

СОЦИАЛЬНЫЕ МИРЫ ПОСТСОЦИАЛИЗМА

Катерина Борелли, Фабио Маттиоли

Катерина Борелли – приглашенный редактор номера. Докторскую степень в области социальной антропологии она получила в Университете Барселоны. Адрес для переписки: 3 Camí de l'Oliverot 5–7, 43893, Altafulla, Tarragona, Spain. cateborel@gmail.com.

Фабио Маттиоли – приглашенный редактор номера. Является студентом докторской программы по антропологии в Городском университете Нью-Йорка. Адрес для переписки: Department of Anthropology, CUNY Graduate Center, 365 Fifth Avenue, New York, NY 10016, USA. fmattioli@gc.cuny.edu.

Этот выпуск – результат масштабного трансатлантического сотрудничества. Фабио Маттиоли и Катерина Борелли, приглашенные редакторы выпуска и авторы этого введения, представили совместную заявку на Двенадцатую конференцию Европейской ассоциации социальных антропологов (ЕАСА) 2012 года, где в рамках одной из панельных дискуссий как генеративное множество процессов рассматривался постсоциализм.

Участники дискуссии предлагали анализировать именно множественные созидательные социальные отношения, формирующиеся в процессе перехода от социалистической модели к постсоциалистической. Основной из обсуждавшихся вопросов состоял в следующем: каким образом социалистическое прошлое становится для людей стратегией, которой они руководствуются в настоящем? Какие типы социальности, солидарности и разногласий возникают в процессе распада социализма и следуют за неолиберальными реформами? Дискуссия по поводу изучения неопределенности переходных моментов нацелена на расширение теоретического восприятия постсоциалистической парадигмы с целью включения в нее опыта и анализа «первых постсоциалистических поколений».

Панельная дискуссия была воспринята с энтузиазмом. Мы получили 33 заявки (что втрое превышало количество участников, которых можно было включить в программу). В основном это были заявки от исследователей, родившихся и выросших в постсоциалистических странах. Несмотря на растущий общий скептицизм, касающийся целесообразности выделения постсоциализма как специального явления в социальных науках в целом, заявки показали противоположный результат.

Постсоциализм многие считают *аналитической концепцией* и *историческими условиями*. С одной стороны, исследователи, с которыми мы имели честь общаться, заинтересованы в использовании аналитической категории «постсоциализм» с целью критического восприятия своего собственного (или другого) центральноевропейского или евразийского (то есть принадлежащего к Центральной и Восточной Европе) общества. Так, они активно наделяют понятие «постсоциализм» новыми значениями, лежащими вне его спорной экзогенности, и принимают участие в его трансформации. Работы этих исследователей ставят под вопрос псевдоколониальную иерархию знаний «восточных» и «западных» стран и одновременно расширяют геополитический охват постсоциализма как инструмента анализа. С другой стороны, эти исследования показывают, что историко-социальные процессы, которые до сих пор проходят в переходных обществах, протекают иначе, чем в странах, которые до 1989 года не были социалистическими. Эти факты подчеркивают необходимость специфической историко-географической концепции, описывающей в теоретическом, практическом и политическом ключе социальные миры и структурные рамки, характерные для переходных обществ. В этом смысле панельная дискуссия была великолепной возможностью обсудить постсоциализм как объединяющую теоретическую парадигму. Одновременно в дискуссии был отражен плюралистический характер постсоциализма, то есть возможность теоретизации всего многообразного и богатого исторического опыта постсоциалистических обществ, их совместного вклада в материальные процессы, формирующие настоящее и будущее Центральной и Восточной Европы.

КРИТИЧЕСКИЕ ГЕНЕАЛОГИИ ПОСТСОЦИАЛИЗМА

Означенный вопрос базируется на ранних работах социальных ученых, особенно антропологов, использующих понятие «постсоциализмов» (во множественном числе). Проблема также привлекает исследователей, использующих новейшие критические подходы, которые ставят под вопрос обоснованность парадигмы постсоциализма. Само понятие имеет плодотворную «социальную жизнь»: поиск лишь по именам исследователей в Google Scholar дает более пяти тысяч записей. Невозможно отметить все упоминания понятия «постсоциализм», особенно если говорить обо всем спектре социальных наук, однако можно выделить две отчетливые исторические фазы, в которые употребление этой категории имело разные значения (речь идет преимущественно об антропологии).

Первый период продолжается примерно с начала 1990-х до начала 2000-х годов. По большей части исследуемое понятие использовалось в это время в работах социальных ученых из британских и американских университетов. Постсоциализм определяется здесь непосредственно как материально-исторические условия, имеющие колоссальное влияние на жизнь людей. Первое поколение исследователей изучает социализм с 1970-х годов, и их исследования постсоциализма относятся к обществам, ранее находившимся под властью коммунистических партий (преимущественно в Центральной Европе), где в основе экономики

были централизованное планирование и коллективизация средств производства. Начиная с 1989 года эти общества находятся в процессе кардинальной реструктуризации. Работы ученых первого поколения имеют один общий отправной тезис – отказ от простого триумфализма западной «транзитологии». В них подвергаются сомнению так называемые доктрины «шоковой терапии» и «большого взрыва», порожденные основными транснациональными организациями – Международным валютным фондом и Всемирным банком. «Переход» здесь воспринимается не как осуществленный факт, но как процесс, не всегда заканчивающийся запланированной неолиберальной демократией в западном стиле.

Начало второй фазы приходится примерно на первые годы XXI века. В рамках нескольких критических подходов к антропологии постсоциализма появляются предложения радикально пересмотреть или даже отказаться от использования постсоциализма как концептуальной *парадигмы*. Подобная переоценка отчасти вырастает из критики, адресованной антропологами центрально- и восточноевропейских обществ западноевропейским коллегам (Buchowski 2004, 2006; Kürti 2008). Однако отчасти она развивается из самокритики западных ученых при попытке пересмотра исторических условий собственного интеллектуального производства и ограничений собственного труда (Chari and Verdery 2009; Humphrey 2002). Оба критических направления теоретически и практически обоснованны. С одной стороны, они выявляют проблемы репрезентации – это включает в себя вопрос об *объекте* исследования и о том, *каким образом* в этих работах представляются постсоциалистические общества. Ханн (Hann 2008) предполагает, что в парадигме постсоциализма не предусмотрена истинно историческая перспектива, так как эта парадигма основана не на работах историко-ориентированных антропологов, а на источниках и трудах ученых вне данной дисциплины. Поблоцки (Pobłocki 2009) поддерживает эту точку зрения. Он полагает, что западные исследователи постсоциализма пытались сконструировать и популяризовать образ обществ Центральной и Восточной Европы как европейских «иных», наделяя сущностными характеристиками экстраординарность постсоциалистического перелома, а не историческую целостность обществ, имеющую место и до, и после социализма. Этого критического взгляда поддерживается также также Кальб (Hann et al. 2007:22–28).

В других критических высказываниях осуждаются политика и властные отношения, сформировавшие темы (и предметы умолчания) литературы о постсоциализме. Эти идеи подталкивают исследователей к дискуссии о практическом влиянии политики Холодной войны на ограничение возможностей для исследования и областей изучения. Многие ученые подчеркивают, что постсоциалистические перемены не помогли наладить диалог между Западом и Востоком. Начиная с выдающейся работы Буховского (Buchowski 2006) мы осведомлены о тенденции «западной» антропологии игнорировать работы ученых Центральной и Восточной Европы. Центрально- и восточноевропейские институты, продолжает Буховски, тоже содействовали пресечению возможного диалога. Некоторые ученые неприимимы по отношению к «западным» коллегам, другие же интернализировали их ориенталистский взгляд и стали «пестовать» ориенталистскую перспективу в своем собственном обществе. Кюрти (Kürti 2008), выходя за рамки ориентализма,

предполагает, что недостаток диалога является последствием прямых отношений власти на рынке труда. Для центрально- и восточноевропейских ученых необычайно трудно получить доступ к тем ресурсам, которыми располагают их западные коллеги. Это происходит в том числе и потому, что работы центрально- и восточноевропейских исследователей не цитируют в «западных» публикациях и не дают на них ссылок. Для «западных» публикаций требуется очень специфический социальный и культурный капитал, и немногие «восточные» антропологи производят знания, соответствующие этим стандартам.

НАША ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ

Обозначенные выше критические подходы, безусловно, важны и своевременны в настоящий момент, когда центрально- и восточноевропейские ученые готовы включиться в дискуссии о «южных теориях», появляющихся в других дисциплинах. Однако они не позволяют совместить *теоретическую* и *онтологическую* ценность постсоциализма. Собственно, эта критика привлекает внимание к политике репрезентации и ситуации в научном сообществе, однако не обращается к материальным процессам, происходящим в реальности. В рамках этих критических подходов постсоциализм рассматривается так, как если бы он представлял собой чисто *теоретический вопрос*, а не *материальное состояние*. И все же такие факты, как приватизация коллективных средств производства, развал политических организаций, перерисовка воображаемых политических линий, протягивающихся через континенты, – все эти процессы донельзя материальны. Они существуют и оказывают влияние на нашу жизнь вне зависимости от категорий, к которым их относят ученые. Любая эпистемологическая критика постсоциализма как *парадигмы* не может объединить эти трансформации или же заставить забыть о существовании постсоциалистических *условий* жизни, не превращаясь при этом в бесполезное упражнение риторики самолюбования. До сих пор эта критическая линия исследований не была особенно результативна в отношении производства нового знания об изменениях, произошедших после 1989 года.

Кроме того, большая часть антропологической критики постсоциализма направлена на ограниченный круг исследований, в основном – на теоретические труды таких ученых, как Кэтрин Вердери, Элизабет Данн и, в меньшей степени, Майкл Буравой и Кэролайн Хамфри. Однако постсоциализм является темой исследования гораздо большего количества ученых, даже если принимать во внимание только антропологов. Авторы, которых критика обошла вниманием, тщательно изучили широчайший спектр тем и процессов, как правило, применяя тончайший каузальный анализ и говоря о Западе и Востоке не как о бинарных противоположностях, но как о тесно переплетенных между собой областях. В число таких исследований стоит включить дискуссии о субъективности и потреблении в эпоху социализма и после нее (Díмова 2010; Yurchack 2006); о включении Центральной и Восточной Европы в правовую и экономическую сферы влияния (Asher 2005; Borocz and Sarkar 2005; Jansen 2009; Jung 2011); о переформировании политической власти посредством общественных объединений, экспертных практик, меж-

дународной помощи и законов о люстрации (Appel 2005; Coles 2007; Pandolfi 2003); об изменениях значимости религии и религиозных практик, а также об их отношении к политической власти (Creed 2011; Rogers 2009; Wanner 2007). Более того, постсоциалистические подходы создали пространство для дискуссий вне первоначальных географических и временных рамок. Недавно область постсоциалистического анализа была расширена и теперь включает таким образом и неевропейские страны – Вьетнам, Кубу, страны Центральной Азии и другие африканские, латиноамериканские и азиатские государства (Rogers 2010). В общем, постсоциализм как концептуальный фрейм вполне открыт к расширению, так как основан на историческом и процессуальном анализе социальных изменений. Эта концепция все больше отвечает определениям «между “постами”» (Chari and Verdery 2009), «после “постов”» (Buyandelgeriyu 2008), «нон-пост» (Gilbert 2006), или же просто «будущее» (Kurtović 2012). Почему же мы должны пренебречь такими продуктивными, более расширенными и проработанными концептуальными рамками?

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

Авторы статей, опубликованных в этом выпуске, находятся внутри постсоциалистической парадигмы, однако участвуют в ее видоизменении. Они расширяют поле постсоциалистических исследований, обновляя и обогащая складывающуюся субдисциплину весьма неординарными способами. В пяти представленных статьях обсуждаются транснациональные пути социалистических и постсоциалистических миграций, эстетическая политика городского центра, «тактичная экономика» в секторе ресторанного бизнеса, роли отдельных лидеров в сельском гражданском обществе, реконфигурация и институционализация религиозных иерархий.

В первых трех статьях в качестве ключевых мест общественных изменений рассматриваются крупные города, здесь обсуждаются трансформации постсоциалистических городов в целом и в частности. Это отражает центральную позицию городов в динамике мирового капиталооборота, как отмечено во многих работах географов и антропологов (Harvey 1989, 2005; Smith 1996, 2008; Whitehead 2008). Однако в Центральной и Восточной Европе для того, чтобы сделать городское пространство привлекательным для арендаторов-предпринимателей, необходимы очень сложные действия, имеющие отношение и к политическим вопросам. Часто городские пространства имеют неопределенный «режим собственности» (Verdery 2003), и конфликт по поводу их использования и владения может иметь непредсказуемый исход – возможно даже появление межклассовых альянсов и солидарности между «сквоттерами» и «законными владельцами» (Johnson 2012). Кроме того, приватизация и финансиализация городских пространств под управлением местных и зарубежных инвесторов идут вразрез с идеологическими и материальными процессами европейской интеграции. Города играют центральную роль в посредничестве между символическим и материальным включением стран Центральной и Восточной Европы в политическую сферу Евросоюза.

Предмет статьи Анны Кругловой находится на перекрестке описанных экономико-политических трансформаций. В статье рассматриваются последствия «культурной революции», проведенной посредством благоустройства городского пространства в городе Перми. С целью сделать город символически и материально доступным для европейских творческих (и инвестиционных) потоков градостроители наполнили жилые пространства Перми «культурными» объектами и скульптурами. С одной стороны, как отмечает автор, подобный процесс навязывания новой сенсорной иерархии составляющих санкционированной и легитимной «культуры» воскресил советские определения «высокой» и «низкой» культуры. С другой стороны, этот процесс вошел в конфликт с локальными понятиями развлечений и эстетики. Яркие, подробные описания Кругловой ведут читателя по просторам чувственного удовольствия, представляющего собой воплощенный опыт взаимодействия пермяков с городским пространством. Автор утверждает, что для тех, кто прогуливается по пермской улице или, сидя в одном из пермских парков, пьет спиртные напитки (что запрещено), удовольствие от деятельности состоит в ее простоте. Здесь информантами проводится аналогия с детским восприятием: если ребенок не может понять новую скульптуру, то это «неправильное» искусство. Обращаясь к «экономике чувств», Круглова рассматривает процесс европеизации с его сенсорной и чувственной стороны. Статья открывает возможность размышления о коммодификации пространства, отношения его к экономическим процессам, а также к эстетическому выбору и предпочтениям.

Статья Хювельмайер также касается трансформации современных городов. Однако в ней сделан упор не на исследование локальных реакций на глобальные проекты, а на транснациональные выплески этих проектов. Хювельмайер исследует формирование в странах бывшего социалистического блока сети базаров, в основном управляемых вьетнамскими мигрантами. С исторической точностью и подробностью она отслеживает генеалогию этих мест, выявляя своего рода глобализацию – международные связи между странами «второго мира». Об этих связях ни разу не упоминалось не только в работах теоретиков постмодерных потоков и сетей, но и в трудах исследователей постсоциализма (постсоциализмов). Опираясь на этот тезис, Хювельмайер рассказывает о трудностях, через которые пришлось пройти бывшим мигрантам из стран-членов Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) после падения Берлинской стены. Она делает акцент на роли базаров (пражских, берлинских, варшавских) в поддержании и трансформации социальных сетей, созданных мигрантами. Сейчас именно то время, когда дискуссия по поводу миграционных потоков и миграционной политики в Европе имеет особую политическую и теоретическую значимость. Множество ученых осуждают «европейскую крепость» (Agier 2008; Green 2005), демонстрируют структурные ограничения политики ассимиляции (Mandel 2008; Soysal 2001) и гуманитарной помощи (Dunn 2012). Хювельмайер предлагает нам давно необходимое исследование, в котором анализируются предписанные правовыми инструментами и категориями (включая двусторонние соглашения, требования гражданства и т. д.) отношения власти и иерархии на базаре. В своей статье Хювельмайер показывает,

как мигранты адаптируются к этим ограничениям и с какой изобретательностью они одновременно конструируют вокруг себя сети солидарности.

Важная роль экономики и процветания новых «индустрий» отчасти стала причиной революции в постсоциалистических странах. После того, как пришли к банкротству национальные сферы экономики, многие государства стали базами для дешевых производств западных компаний. Некоторые пытались способствовать развитию сектора услуг, другие превратились в резервы рабочей силы на экспорт. Этот скачок и его влияние на сектор ресторанного бизнеса обсуждается в статье Иветы Хайдаковой. Читатель переносится в один из знаменитейших ресторанов класса «люкс» Праги с его сложными отношениями между клиентами и хозяевами, возникающими в процессе их взаимодействия. Хайдакова показывает, каким образом постсоциалистическая трансформация затронула ресторанных работников в Чехии, превратив их из привилегированных «боссов» в хозяев, от которых ожидается, что они обслужат клиента, удовлетворив все его капризы. Остроумно повествуя об этих новых иерархиях, Хайдакова фокусируется на анализе моральной стороны проблемы, ибо именно она является неотъемлемой составляющей экономического обмена в ресторане, и в то же время именно она подвергается отрицанию. С одной стороны, очевидно, что за «роскошью», реализованной в (неолиберальной?) атмосфере ресторана, скрывается механизм извлечения денег как из клиентов, так и из хозяев. С другой стороны, именно это «материалистичное» устремление должно оставаться незамеченным, чтобы «роскошь» воспринималась как нечто реальное. Поэтому Хайдакова говорит о «тактичной экономике», где морально-этическая сторона состоит именно в отрицании личной выгоды, связанном с обменом в рамках сложных ритуалов и техниками (само)дисциплины. Хайдакова подробно рассматривает ограничения, которые чувствуют работники, и стратегии персонала, направленные на получение некоторой автономии в соответствии с желаниями гостей. Здесь очерчиваются комплексные формы «эмоционального труда» (Muehlebach 2011), в последнее время активно обсуждаемые в экономической антропологии и в других сферах. Для более внимательного исследования антропологов представляется здесь сектор рынка и особый тип работы – «гостеприимство» (*hospitality*), стремительными темпами развивающиеся в течение последних лет. Кроме этого, работа предоставляет читателю интересный материал для размышления о сложных переплетениях экономического интереса и отношений, связанных с моралью. Эта классическая тема дебатов в экономической антропологии, в исследованиях, посвященных ей, было вскрыто множество противоречий со времен работ Мосса, Ферта, Малиновского и Грегори. В работах современных ученых это исследование продолжается, рассматриваются новые аспекты этой темы (Hann and Gudeman forthcoming).

Последние две статьи меньше внимания уделяют урбанистическим и экономическим сдвигам, они скорее посвящены трансформации сетей власти. Агнешка Пасека в своем глубинном исследовании сельской Польши утверждает, что антропологические исследования постсоциалистической трансформации могут и должны быть сосредоточены на сельском гражданском обществе, а особенно на его лидерах. Главные мотив статьи Пасеки состоит в политической и научной критике

«само-ориенталистского» взгляда на сельскую Польшу как на отсталую часть общества. Исследователь предполагает, что дискуссия о стратегиях и ролях отдельных лидеров в трансформации не означает отказа от «народной» перспективы. Напротив, с точки зрения Пасеки, локальные лидеры, находящиеся посередине между публичной и частной сферами, активно включены в сеть социальных отношений. Нарратив о жизни трех ключевых рассказчиков становится отправной точкой для описания ландшафта социальных отношений в польской провинции Усце Горлицке. Анализ, проведенный Пасекой, демонстрирует творческий подход и способности, задействованные для мобилизации и трансформации навыков, сетей и ресурсов, полученных в социалистическом прошлом, при адаптации к условиям нового времени. В тот момент, когда сельскую Польшу затопила волна реформ, нацеленных на «гармонизацию» по стандартам и законам Европейского союза, локальные лидеры прибегли к тактикам советского периода и стали работать на «общее благо» сообщества. Но не обманывайтесь: Пасека твердо убеждена, что «общее благо» – это противоречивое и оспариваемое понятие. Осторожно выбирая описания «общественных» благ (во множественном числе), Пасека изучает то, как новые и старые иерархии сливаются друг с другом и формируют гражданское общество в польской деревенской местности.

В статье Ксении Пименовой речь также идет о трансформации властных структур, но уже на примере современной Тувы (Тывы). В статье обсуждается роль шаманов и шаманских объединений в советское время и ее эволюция вплоть до нынешних дней. Пименова утверждает, что шаманы все больше включаются в формальную структуру государства в процессе бюрократизации различных шаманских объединений. Благодаря новоприобретенной законной позиции шаманские лидеры получили значительный политический вес на самом высоком уровне российской политики. Однако бюрократизация структур шаманской власти повлияла не только на типы проводимых практик, но и на отношения с сообществом верующих. Великолепно аргументированная работа Пименовой вносит вклад в растущую библиографию, посвященную теме политической жизни религии в Центральной и Восточной Европе (Bernstein 2011; Humphrey and Onon 1996). Вместо того чтобы повторять классическую парадигму де-этатизации (Verdery 1996), Пименова рассуждает о творческой перестановке сил, проявившихся в результате хаотической перепланировки российского (если шире – восточноевропейского) общества. Данная статья представляет интересный кейс «ре-этатизации» власти и входит в один ряд с работами Роджерса (Rogers 2009), Пелькманса (Pelkmans 2009), Клаври (Claverie 2003) и многих других современных ученых, исследующих изменения «официальной» категоризации религии. Статья также показывает, как изменения на «границах» постсоциалистических обществ могут быть напрямую связаны с крупными политическими (а также экономическими и социальными) событиями. Действительно, Пименова демонстрирует прямую связь между путинскими реформами в России и «вертикализацией» шаманской власти. Этнографическая «чувствительность» исследования напоминает читателю о взаимосвязи центра и периферии в постсоциалистических обществах. Остается надежда, что если сегодня «центр» колонизирует «пе-

риферию», то завтра, возможно, большая политика европейских центров власти будет трансформирована репликами с окраин.

СОЗДАВАЯ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ НОВЫХ ТЕМ И ДЛЯ БУДУЩЕГО: ПОСТСОЦИАЛИЗМ В XXI ВЕКЕ

Как показано во всех этих статьях, если понятие «постсоциализм» сейчас трансформируется и границы его в новых исследованиях расширяются, то отказ от него теперь можно было бы считать анахронизмом. На самом деле постсоциализм является продуктивной и актуальной концепцией не только из-за отсылки ко времени (пост-), но и в связи с «социалистическим» опытом и его последующими инкарнациями. Ранние исследования постсоциализма часто начинались с обсуждения роли и характеристик социалистических режимов: очернение социалистических причуд в «транзитологии» было необходимым для последующего празднества в честь прихода демократии и капитализма. Первое поколение постсоциалистических антропологов вышло за рамки криминализации социализма, они сделали акцент на жестокости и суматохе, которые появились вместе с «демократическим» экономико-социальным порядком. Однако переоценка исторического опыта социализма на этом не останавливается: сегодня все большее ученых рассматривают социалистический опыт в качестве ресурса (Nadkarni 2007; Oushakine 2007; Petrović 2010). Это не означает, что ученые теперь оценивают социализм как позитивный опыт сам по себе: они уделяют все больше внимания тому, как отдельные политические пространства, сети солидарности и социальные ценности, созданные в эпоху социализма, блокируют и/или трансформируют траекторию неолиберализма. Стратегии, известные по опыту социалистического периода, сегодня в значительной степени заново изобретаются альтернативными социальными движениями. Несмотря на то, что они следуют идеалам, часто противоречащим самой социалистической идее (от национализма до анархизма), они используют именно эти идеи и сети в качестве ресурса для пересмотра нашего политического мира. Другими словами, если можно утверждать, что постсоциалистические страны представляют собой лабораторию неолиберализма, то их социалистический опыт становится мощным средством для перерасчета траектории самого неолиберализма. Чтобы объяснить возрождение социалистических ценностей в странах Центральной и Восточной Европы, нам необходима концепция, которая проводила бы теоретическую связь между социализмом, его хаотическим упадком и потенциальными сценариями будущего. Таким образом, постсоциализм как парадигма незаменим именно в качестве средства «отчуждения» – средства, позволяющего осмыслить многообразные исторические процессы, проходящие в транснациональных обществах, не как неприятные помехи, но как ресурс для построения будущего этих обществ.

Перевод с английского Аси Воронковой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Agier, Michael. 2008. *On the Margins of the World: The Refugee Experience Today*. Cambridge: Polity Press.

- Appel, Hilary. 2005. "Anti-Communist Justice and Founding the Post-Communist Order: Lustration and Restitution in Central Europe." *East European Politics and Societies* 19(3):379–405.
- Asher, Andrew. 2005. "A Paradise on the Oder? Ethnicity, Europeanization, and the EU Referendum in a Polish-German Border City." *City & Society* 17(1):127–152.
- Bernstein, Anya. 2011. "The Post-Soviet Treasure Hunt: Time, Space, and Necropolitics in Siberian Buddhism." *Comparative Studies in Society and History* 53(3):623–653.
- Borocz, Jozsef and Mahua Sarkar. 2005. "What Is the EU?" *International Sociology* 20(2):153–173.
- Buchowski, Michał. 2004. "Hierarchies of Knowledge in Central-Eastern European Anthropology." *Anthropology of East Europe Review* 22(1):5–14.
- Buchowski, Michał. 2006. "The Specter of Orientalism in Europe: From Exotic Other to Stigmatized Brother." *Anthropological Quarterly* 79(3):463–482.
- Buyandelgeriyn, Manduhai. 2008. "Post-Post-Transition Theory: Walking on Multiple Paths." *Annual Review of Anthropology* 37:235–250.
- Chari, Sharad and Katherine Verdery. 2009. "Thinking between the Posts: Postcolonialism, Postsocialism, and Ethnography after the Cold War." *Comparative Studies in Society and History* 51(1):6–34.
- Claverie, Elisabeth. 2003. *Les Guerres de la Vierge*. Paris: Editions Gallimard.
- Coles, Kimberley. 2007. *Democratic Designs: International Intervention and Electoral Practices in Postwar Bosnia-Herzegovina*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Creed, Gerald. 2011. *Masquerade and Postsocialism: Ritual and Cultural Dispossession in Bulgaria*. Bloomington: Indiana University Press.
- Dimova, Rozita. 2010. "Consuming Ethnicity: Loss, Commodities, and Space in Macedonia." *Slavic Review* 69(4):859–881.
- Dunn, Elizabeth. 2012. "A Gift from the American People." *The Iowa Review* 42(2):1–19.
- Gilbert, Andrew. 2006. "The Past in Parenthesis: (Non)Post-Socialism in Post-War Bosnia-Herzegovina." *Anthropology Today* 22(4):14–18.
- Green, Sarah. 2005. *Notes from the Balkans: Locating Marginality and Ambiguity on the Greek-Albanian Border*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Hann, Chris. 2008. "The Theft of Anthropology." *Theory, Culture & Society* 26(7–8):126–147.
- Hann, Chris et al. 2007. "Anthropology's Multiple Temporalities and Its Future in East and Central Europe: A Debate with Comments from Milena Benovska, Aleksandar Bošković, Michał Buchowski, Don Kalb, Juraj Podoba, David Z. Scheffel, Petr Skalník, Michael Stewart, Zdeňek Uherek, Katherine Verdery and a reply from Chris Hann." Working Paper No. 90, Max Planck Institute for Social Anthropology, Halle/Saale.
- Hann, Chris and Stephen Gudeman, eds. Forthcoming. *Economy and Ritual: Six Studies of Postsocialist Transformation*. New York: Berghahn Books.
- Harvey, David. 1989. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Cambridge, MA: Blackwell.
- Harvey, David. 2005. *Paris, Capital of Modernity*. New York: Routledge.
- Humphrey, Caroline. 2002. *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies after Socialism*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Humphrey, Caroline and Urgunge Onon. 1996. *Shamans and Elders: Experience, Knowledge, and Power among the Daur Mongols*. New York: Oxford University Press.
- Jansen, Stef. 2009. "After the Red Passport: Towards an Anthropology of the Everyday Geopolitics of Entrapment in the EU's 'Immediate Outside'." *Journal of the Royal Anthropological Institute* 15(4):815–832.
- Johnson, Charlotte. 2012. "The Urge to Tidy: Fashioning Post-Neoliberal Property Out of Shared Attics and Basements in Residential Buildings in Belgrade." Presented at "The Creativity of Property: An Interdisciplinary Workshop on the Reinvention of Ownership," June 26, University College London.
- Jung, Yuson. 2011. "Parting the 'Wine Lake': The Revival of the Bulgarian Wine Industry in the Age of CAP Reform." *Anthropological Journal of European Cultures* 20(1):10–28.

- Kürti, László. 2008. "East and West: The Scholarly Divide in Anthropology." *Anthropological Notebooks* 14(3):25–38.
- Kurtović, Larisa. 2012. "Politics of Impasse: Specters of Socialism and the Struggles for the Future in Postwar Bosnia-Herzegovina." PhD dissertation, Department of Anthropology, University of California, Berkeley.
- Mandel, Ruth. 2008. *Cosmopolitan Anxieties: Turkish Challenges to Citizenship and Belonging in Germany*. Durham, NC: Duke University Press.
- Muehlebach, Andrea. 2011. "On Affective Labor in Post-Fordist Italy." *Cultural Anthropology* 26(1):59–82.
- Nadkarni, Maya. 2007. "The Master's Voice: Authenticity, Nostalgia, and the Refusal of Irony in Postsocialist Hungary." *Social Identities* 13(5):611–626.
- Oushakine, Serguei. 2007. "'We're Nostalgic but We're Not Crazy': Retrofitting the Past in Russia." *The Russian Review* 66(3):451–482.
- Pandolfi, Mariella. 2003. "Contract of Mutual (In)Difference: Governance and the Humanitarian Apparatus in Contemporary Albania and Kosovo." *Indiana Journal of Global Legal Studies* 10(1):369–381.
- Pelkmans, Mathijs, ed. 2009. *Conversion after Socialism: Disruptions, Modernisms, and Technologies of Faith in the Former Soviet Union*. New York: Berghahn Books.
- Petrović, Tanja. 2010. "Nostalgia for the JNA? Remembering the Army in the Former Yugoslavia." Pp. 67–90 in *Post-Communist Nostalgia*, edited by Maria Todorova and Zsuzsa Gille. New York: Berghahn Books.
- Pobłocki, Kacper. 2009. "Whither Anthropology without Nation-State? Interdisciplinarity, World Anthropologies and Commoditization of Knowledge." *Critique of Anthropology* 29:225–252.
- Rogers, Douglas. 2009. *The Old Faith and the Russian Land: A Historical Ethnography of Ethics in the Urals*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Rogers, Douglas. 2010. "Postsocialisms Unbound: Connections, Critiques, Comparisons." *Slavic Review* 69(1):1–15.
- Smith, Neil. 1996. *The New Urban Frontier: Gentrification and the Revanchist City*. London: Routledge.
- Smith, Neil. 2008. *Uneven Development: Nature, Capital, and the Production of Space*. 3rd ed. Athens: University of Georgia Press.
- Soysal, Levent. 2001. "Diversity of Experience, Experience of Diversity: Turkish Migrant Youth Culture in Berlin." *Cultural Dynamics* 13(1):5–28.
- Verdery, Katherine. 1996. *What Was Socialism, and What Comes Next?* Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Verdery, Katherine. 2003. *The Vanishing Hectare: Property and Value in Postsocialist Transylvania*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Wanner, Catherine. 2007. *Communities of the Converted: Ukrainians and Global Evangelism*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Whitehead, Judy. 2008. "Rent Gaps, Revanchism and Regimes of Accumulation in Mumbai." *Anthropologica* 50(2):269–282.
- Yurchak, Alexei. 2006. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, NJ: Princeton University Press.